

ИОН ДЕГЕН

**ВОЙНА
НИКОГДА
НЕ КОНЧАЕТСЯ**

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(5Изр)-44
Д26

Деген, И. Л.

Д26   **Война никогда не кончается / Ион Деген.** —
Москва: АСТ, 2014. — 352 с.
ISBN 978-5-17-087217-6

Ион Деген — стрелок, разведчик, танкист, командир взвода и роты, один из первой полусотни советских танковых асов Отечественной войны, уничтожил 16 немецких танков и самоходок (в их числе 8 “пантер”, “тигр”, “фердинанд”), десятки орудий и автомашин. Четырежды покидал свои подбитые в бою танки, трижды ранен, горел, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза. После войны — доктор медицинских наук, профессор; с 1977 года живет в Израиле.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-17-087217-6

© Деген, И.Л., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Для тех, кто ушел на фронт молодым,
война никогда не кончается*

ХРУПКИЙ ХРУСТАЛЬ

Пренебрегая правилами хорошего тона, я предупреждаю гостей быть очень осторожными с этими высокими узкими бокалами из тонкого хрустала, хотя о более ценных вещах никто не слышал от меня предостережений.

Мы с Яшей родились в один день. Вместе пошли в детский сад, а потом — в школу.

Вместе начали курить. Нам было тогда восемь. Операция тщательно планировалась. После уроков мы зашли в уборную для мальчиков. Я извлек из пенала папиросу «Герцеговина Флор», купленную на совместный капитал. Яша достал принесенные из дома спички. Конец папиросы раскалился, как железо в кузнечном горне, и расплавленный металл потек в грудь. Я закашлялся. Предметы внезапно потеряли четкие очертания. Тошнота подступила к горлу. Подавляя подлые слезы, я передал папиросу Яше. Он затаился, и мы уже кашляли дуэтом. Я взял папиросу и пыхтел не затягиваясь. Яша отказался. Больше он никогда не курил.

Утром, когда нам исполнилось шестнадцать лет, мы сдали экзамен по алгебре, оторвались от одноклассников, купили бутылку «Алигатэ» и по традиции вобрались на ореховое дерево в нашем саду. Мы удобно расположились в развилках мощных ветвей, отхлебывали вино и обсуждали мировые проблемы. Бутылка опустела еще до того, как мы коснулись оккупации Югославии немцами. Я закурил «гвоздик», горький, вонючий, дерущий горло. На лучшие папиросы у меня не было

денег. Яша отмахивался от дыма и рассказывал о недавнем свидании с девочкой из десятого класса.

По календарю только завтра наступит лето, но теплое летнее солнце уже сегодня пробивалось сквозь тугие пахучие листья.

Нам было хорошо на ветвях старого орехового дерева, центра мироздания. Еще четыре экзамена — и начнутся каникулы. А там — десятый класс. А потом — вся жизнь. И границы ее неразличимы, когда тебе шестнадцать лет и все еще впереди.

Через две недели начались каникулы. Я устроился на работу в пионерский лагерь. Яша решил в июле поехать к родственникам, жившим на берегу моря.

Но еще через неделю началась война. И рухнули планы.

Ночью немцы бомбили город. Мне хотелось зубами вцепиться в кадык немецкого летчика.

Уже в первый день войны я не сомневался в том, что сейчас же, немедленно, добровольно пойду на фронт. У меня не было сомнения, что такое же чувство испытывают все мои товарищи и, конечно, мой самый близкий друг Яша.

В первый день войны мне даже на минуту не удалось освободиться от работы в лагере. На следующий день, в понедельник, я заскочил к Яше с тщательно обдуманым планом — сформировать наш собственный взвод, в котором будут ребята из двух девятого классов.

Он не успел отреагировать на мое предложение. Яшина мама обрушила на меня лавину нелепых обвинений. Больно и обидно было впервые услышать грубость из уст этой деликатной женщины. Она кричала, что я рожден для войны, для драк и для всяких безобразий, что, если я решил добровольно пойти на фронт, это мое собачье дело, а Яша — шестнадцатилетний мальчик, в сущности

еще ребенок Пусть он сперва окончит школу. А потом, то есть когда ему исполнится восемнадцать лет, он пойдет в армию по призыву, как все нормальные люди.

Я возражал Яшиной маме. Я не спорил по поводу шестнадцатилетнего мальчика, в сущности, еще ребенка, и ничего не сказал о свидании с девочкой из десятого класса. У меня, к сожалению, таких свиданий еще не было. Но, кажется, я тоже не был очень деликатным. Я кричал о защите родины, о долге комсомольца, о героях гражданской войны. Я выстреливал лозунги, которыми был начинен, как вареник картошкой.

Не знаю, как Яша ушел из дома. Ни один из тридцати одного бойца не обсуждал эту тему.

...На одиннадцатый день войны наш взвод вступил в бой — первый бой против отлично подготовленных и вооруженных немецких десантников.

Мы потеряли двух мальчиков. Одному из них шестнадцать лет исполнилось бы только через пять месяцев, в декабре. Конечно, мы переживали их гибель. Больше того — она потрясла нас. Но — стыдно признаться — упование победой помогло нам справиться с болью потери.

Четыре дня мы занимали оборону, не видя противника. У нас была уйма времени, чтобы обсудить детали прошедшего боя и получить удовольствие от доставшихся нам трофеев. У ребят появились первые в жизни часы. Яша в упор застрелил обер-лейтенанта и подарил мне его парабеллум. Как и все в нашем взводе, я был вооружен карабином. Только сейчас, став обладателем пистолета, я мог по-настоящему почувствовать себя командиром взвода.

А потом начались непрерывные бои. Мы теряли ребят и уже не радовались победам. Даже отразив все атаки, наш взвод вынужден был отступать или, что еще хуже, выбираться из окружения.

У нас уже не было недостатка в трофейных автоматах. В подарок от меня Яша получил вальтер, хотя по штату рядовому не полагался пистолет. Но о каком «по штату» можно было говорить в те дни!

А вальтер я взял у пленного шарфюрера. Он целился в Яшу, и в этот момент с бруствера траншеи я ударил его прикладом карабина по каске. Нормальная голова от такого удара раскололась бы, как арбуз. Но этот здоровенный веснушчатый немец часа через два очухался и нагло смотрел на нас, и вид у него был такой, словно он взял нас в плен, а не мы его.

Допрашивал его Мончик, лучший во взводе знаток немецкого языка. До перехода в наш класс он учился в еврейской школе. Немец молчал, а потом словно выплюнул: «Ферфлюхтен юден!»

Я выстрелил в эту подлую веснушчатую морду. Все равно некуда было его девать. Мы выходили из окружения.

Наших ребят оставалось все меньше. Взвод пополнялся красноармейцами-призывниками и даже служившими срочную службу до войны. Командовать становилось все труднее. Кухня и старшина роты редко бывали нашими гостями. В бою голод не ощущался. Но после — проблема пищи становилась не менее острой, чем проблема боеприпасов. Я уже не говорю про курево. Мы выкапывали молодую картошку. Появились огурцы. Созрела вишня. Случайно подворачивалась какая-нибудь курица.

Но непревзойденным мастером организовывать ужин оказался Яша. Стоило девушкам или молодкам взглянуть на его красивое лицо, пусть даже покрытое пылью и копотью, стоило только услышать его мягкую украинскую речь, и их сердца распахивались.

Его обаяние действовало не только на женщин. Даже новички во взводе, даже те, кто явно не жаловал евреев,

а таких попадалось немало, даже они быстро полюбили Яшу. А как было его не любить? В бою он всегда появлялся там, где больше всего был нужен. Оказать услугу, помочь было не просто свойством его характера, а условием существования.

В ту ночь он возник внезапно, как добрый джинн из бутылки, именно в минуту, когда мне так нужна была чья-нибудь помощь.

Еще с вечера мы заняли оборону на косогоре. Земля была нетрудной. Часа за два — два с половиной у нас уже была траншея в полный профиль. Впереди до черного леса расстиралось белое поле цветущей гречихи. За нами метров на сто пятьдесят в глубину, до самой железной дороги, тянулся луг с редким кустарником, справа и слева у насыпи ограниченный небольшими вишневыми садами. В километре на юго-востоке в густых садах пряталась железнодорожная станция. Засветло отсюда, с косогора, была видна водокачка. Сейчас она угадывалась при полной луне, висевшей над железной дорогой, как осветительная ракета.

Казалось, гречишное поле покрыто глубоким свежеснеженным снегом. Тишина такая, словно не было войны.

Железнодорожный состав мы услышали задолго до того, как он появился из-за вишневого сада. В это же время над лесом на светлой полоске неба мы увидели шесть черных «юнкерсов». Они летели к станции. Один из них отвернул влево и спикировал на состав. Две бомбы взорвались почти у самого паровоза. Состав остановился, заскрежетав буферами. Мы слышали, как люди убегают к лещиннику на той стороне железной дороги. «Юнкерс» больше не бомбил состав. Он улетел на юго-восток, откуда доносились непрерывные разрывы бомб.

И вдруг на фоне отдаленной бомбежки, на фоне за-
тухающих голосов за железной дорогой, на фоне щебе-
тания проснувшихся птиц пространство пронзил ду-
шераздирающий женский крик, зовущий на помощь.
Не было сомнения в том, что кричат в вагоне, стоявшем
точно за нашей спиной.

Через минуту я уже взбирался в раскрытую дверь
«теплушки».

Голубой прямоугольник лунного света из открытой
двери освещал пустое пространство между нарами.
Слева в темноте стонала невидимая женщина. С опа-
ской я включил свой трофейный фонарик.

Из-за огромного живота тревожно и с надеждой
смотрели на меня страдающие глаза молодой женщи-
ны. В коротких промежутках между стоном и криком я
услышал, что она жена кадрового командира, убежав-
шая из Тернополя.

Я не стал выяснять, почему эшелон из Тернополя по-
пал так далеко на юг, вместо того, чтобы следовать пря-
мо на восток.

Женщина рожала в покинутом вагоне, а я стоял пе-
ред нею у нар, не зная, что делать, не зная, как ей по-
мочь. Даже во время первой немецкой атаки я не чув-
ствовал себя таким беспомощным. Ко всему еще меня
сковывал какой-то стыд, какая-то недозволенность.

Не знаю, как это произошло. Я действовал в полусо-
знании. Женщина вдруг утихла, а у меня в руках ока-
залось мокрое орущее существо. Я чуть не заплакал от
беспомощности и покинутости.

Именно в этот момент в проеме появилась Яшина
голова. Он быстро вскочил в вагон. Через несколько се-
кунд Яша вручил мне большой металлический чайник,
забрал у меня младенца, укутал его в какие-то тряпки и
отдал матери успокоившийся кулек.

— Давай, дуй за водой, — приказал он.

Видя, что я еще не очень соображаю, добавил:

— Колодец у вишневого садика в голове поезда.

Я быстро возвратился с водой. Яша развернул младенца, обмыл его и укутал в сухую тряпку.

Я не заметил, когда прекратилась бомбежка.

— Как тебя зовут? — спросила женщина уставшим голосом. Странно, вопрос относился не ко мне.

— Яша.

— Хорошее имя. Я назову сына Яковом.

Загудел паровоз. Помогая друг другу, в вагон стали взбираться женщины. Мы попрощались с роженицей и под фривольные шутки женщин соскочили из вагона как раз в тот момент, когда, залязгав буферами, поезд рывком дернулся и, набирая скорость, пошел на юг.

Именно в это мгновение из леса донеслись два пушечных выстрела. Мне показалось, что это «сорокапятки». Но откуда взяться в лесу нашим пушкам?

Уже из траншеи мы увидели два танка Т-3 и около роты немцев, прущих на нас из лесу.

Было светло как днем. Я приказал пропустить танки и отсечь пехоту.

Не знаю, сколько немцев мы уложили. Оставшиеся в живых залегли. Они были отличными мишенями на фоне белеющей под луной гречихи.

Когда танки перевалили через траншею, Яша первым выскочил и бросил на корму бутылку с зажигательной смесью. Второй танк поджег кадровый красноармеец, новичок в нашем взводе.

Все шло наилучшим образом. Только несколькими немцам удалось удрать к лесу.

— Удачный бой, — сказал Яша. — Только двое раненых. И вообще хорошая ночь. Он хотел продолжить фразу, но внезапно остановился.

Я даже не понял, что это имеет какое-то отношение к пистолетному выстрелу с бруствера траншеи.

Я успел подхватить Яшу, оседавшего на дно траншеи. Я обнял его правой рукой.левой — заткнул фонтан крови, бивший из шеи. Казалось, что Яша что-то хочет сказать, что он смотрит на меня осуждающим взглядом.

Раненого немца, выстрелившего с бруствера, мы закололи штыками.

Яшу похоронили возле вишневого садика, недалеко от колодца. У меня не было карты, и я начертил схему, привязав ее к входному семафору на железной дороге. Всю войну в планшете я хранил схему с точным указанием места могилы моего первого друга. Даже сегодня по памяти я могу ее восстановить.

...Прошло четыре года. Я вернулся домой. В первый же день хотел пойти к Яшиной маме. Но когда я взял костыли, дикая боль пронзила колено. Ни обезболивающие таблетки, ни стакан водки до самого утра не успокоили этой боли. Я пошел к ней только на следующий день.

Не успевая отворить калитку, как Яшина мама возникла передо мной на тропинке. Я хотел обнять ее. Я хотел сказать ей, как я люблю ее, как вместе с ней оплакиваю гибель моего первого друга. Четыре года я готовился к этой встрече. Но я ничего не успел сказать.

Маленькими кулаками она била по моей груди, как по запертой двери. Она царапала мое лицо. Она кричала, что такие мерзавцы, как я, уводят на смерть достойных мальчиков, а сами возвращаются с войны, потому что негодяев, как известно, даже смерть не берет.

С трудом я неподвижно стоял на костылях, глотая невидимые слезы.

Из дома выскочила Мира, Яшина сестра, оттащила маму, платочком утерла кровь с моего лица и только после этого обняла и поцеловала.

Даже Мире я не решался рассказать, как погиб Яша. Еще дважды я приходил к ним. Но мое появление доводило до иступления добрую женщину...

Вскоре я навсегда покинул родные места.

...Новые заботы наслаивались на старые рубцы. Новые беды притупляли боль предыдущих. Но в День Победы все мои погибшие друзья выстраивались в длинную шеренгу, а я смотрел на нее с левого фланга печального построения, чудом отделенный от них непонятной чертой. Яша всегда стоял на правом фланге. А спустя три недели, в день нашего рождения, он являлся мне один. Кто знает, не его ли невидимое присутствие делает этот день для меня неизменно печальным?

Вот и тогда... В операционной я забыл, какой это день. Но в ординаторской, заполненной букетами сирени, тюльпанов и нарциссов, товарищи по работе напомнили, что мне сегодня исполнилось сорок лет, и выпили по этому поводу.

Я возвратился домой, нагруженный множеством подарков, самым ценным из которых оказалась большая, любовно подобранная коллекция граммофонных пластинок.

Я как раз просматривал эти пластинки, не переставая удивляться, где и каким образом можно достать такие записи любимых мной симфонических оркестров, когда у входной двери раздался звонок.

Вечером придут друзья. А сейчас мы никого не ждали. Возможно, еще одна поздравительная телеграмма?

Жена открыла входную дверь.

— Это к тебе, — позвала она из коридора.

Я вышел из комнаты и обомлел. В проеме открытой двери со свертками в руках стояла Яшина мама.

— Здравствуй, сыночек. Я пришла поздравить тебя с днем рождения.

Я молча обнял ее и проводил в комнату. Когда я представил их друг другу, жена поняла, что произошло.

Мы развернули свертки. Торт. Мускатное шампанское. Шесть высоких узких бокалов из тонкого хрустала.

Мы пили шампанское из этих бокалов. Яшина мама разговаривала с моей женой. Видно было, что они испытывают взаимную симпатию. Я только пил. Я не был в состоянии говорить.

Но и потом, когда приходил к ней, и тогда, когда сидел у ее постели, когда держал в своих руках ее высохшую маленькую руку и молча смотрел, как угасает еще одна жизнь, я ни о чем не спрашивал и ни разу не получил ответа на незаданный вопрос.

— Сыночек... — выдохнула она из себя с остатком жизни.

Кому она подарила последнее слово?

Я очень много терял на своем веку. Не фетишизирую вещей. Постепенно я понял, что значит быть евреем и как важно не сотворить себе кумира. Но, пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я прошу очень бережно обращаться с этими высокими тонкими бокалами.

1979 г.

НА ТОМ БЕРЕГУ

Мы спустились к Днепру по крутому откосу, почти по обрыву. С распухшей негнущейся ногой без помощи Саша мне бы ни за что не преодолеть этого спуска. И не только спуска... Я просто остался бы лежать на том огороде, где-то между Уманью и Днепром, где пуля из не-

мецкого автомата навывлет прошла через мое бедро над самым коленом.

Вечерело. Сквозь густую вуаль мелкого, уже осеннего дождя едва угадывался левый берег. Тишина. Насколько охватывал глаз, ни одного населенного пункта, ни одной живой души.

Мы стояли у кромки воды, черной, угрожающей. Что делать с оружием? Не плыть же с таким грузом? К тому же на том берегу оно уже не понадобится. На том берегу не может быть немцев. До моего сознания не доходило даже то, что они почему-то оказались на этом берегу.

Еще в детском садике мне было известно, что на свете нет силы, способной победить Красную армию. И вдруг на третьем месяце войны Саша и я, последние из нашего взвода, стоим у широченного Днепра в раздумье — сохранить ли оружие.

С тяжелым чувством мы бросили в воду немецкие автоматы и пистолеты. Мы уже сроднились с ними. Не раз они спасали нашу жизнь. Мы отстегнули подсумки с гранатами и побросали их в воду, даже не вынув запалов. Саша стащил с меня правый сапог. Левый не без труда я снял сам. Босые, но в обмундировании, мы вошли в холодную воду.

Спустя короткое время, впервые за девятнадцать дней, утихла боль в раненой ноге. Мы плыли молча, медленно, стараясь экономно расходовать силы. Сколько до левого берега? Где он?

Ориентироваться можно было только по черной полосе правого берега на фоне быстро темнеющего неба.

Течение увлекало нас все дальше и дальше от места, где мы вошли в воду. Судорога стянула левую икру. Я был готов к этому. Я лег на спину, отстегнул английскую булавку от клапана кармана гимнастерки и стал покалывать ногу. Не знаю, сколько времени длилась эта опе-

рация, но судорога отпустила меня. Я пристегнул булавку и оглянулся. Саши не было. Паника охватила меня. Мне показалось, что кто-то за ноги тянет меня ко дну. Девятнадцать дней, пробираясь к Днепру по немецким тылам, мы говорили только шепотом. Но сейчас, забыв об осторожности, я отчаянно закричал:

— Саша!

Днепр молчал. Вселенная должна была услышать мой крик. Я испугался его и стал звать уже тише. Саша не отзывался. Утонул, подумал, Саша... Как же я не заметил?

Тридцать один мальчик из двух девярых классов. Взвод добровольцев в истребительном батальоне. «Детский садик», — смеялись над нами. Но это прозвище продержалось несколько часов. Только до первого боя. Потом о нас с уважением говорила вся дивизия. От границы мы отступали до Буга. Я не понимал, что происходит. Я не понимал, как немцы могли преодолеть быстрый широкий Днестр. Я не понимал, почему после каждого, даже удачного боя мы почему-то должны выбираться из окружения.

Взвод редел. В тот день на проклятом огороде только Саша и я, последние из тридцати одного, остались в скудно пополнявшемся взводе. Я хотел подползти к умолкшему «максиму» и заменить убитого пулеметчика. В этот момент что-то тупо ударило меня по ноге. Я почти не почувствовал боли. Я успел расстрелять две ленты. Мы отбили немецкую атаку. Только тогда я заметил в брюках над коленом два отверстия, из которых медленно струилась кровь. Саша достал индивидуальный пакет, наложил тампоны на оба отверстия и перебинтовал ногу.

Было уже темно. Кроме нас двоих, на огороде не осталось ни одного красноармейца. Возле пулемета валялись пустые ленты.